

Двое, вдоволь наевшись и напившись, сидели на кровати, уставившись в пустоту. Вернее, в пустоту смотрел только Син Чжаоюэ, а вот Цзян Линь не сводил с него глаз.

— Чего ты на меня уставился? — в конце концов не выдержал Син Чжаоюэ.

Он привык к разным взглядам: к полным почтения, обожания или притворства, но такой откровенно хищный интерес встретил впервые. Казалось, еще мгновение — и этот взгляд обглодает его до костей.

— Просто хочется смотреть.

— Почему?

— Потому что ты красивый.

Син Чжаоюэ закатил глаза. Никогда еще ему не приходилось вести столь бестолковые разговоры. Цзян Линь смотрел на него с такой нежностью, словно был супругом, встретившим свою жену после долгой разлуки. Син Чжаоюэ лишь нахмурился, решив не отвечать.

— Красавец мой...

— Юэхэн! — оборвал его Син Чжаоюэ.

Цзян Линь рассмеялся:

— Хорошо, Юэхэн. Где ты живешь? Почему сам не рассказываешь, пока я не спрошу?

Син Чжаоюэ поднял на него глаза. На этом наглom лице по-прежнему играла улыбка.

— Ты сам-то спрашиваешь, а о себе почему молчишь? — Син Чжаоюэ осекся. Черт, да что с ним такое? Стал говорить еще глупее!

— Я? Да думал, тебе неинтересно, — вздохнул Цзян Линь.

Син Чжаоюэ подумал про себя: Верно, мне действительно неинтересно.

— Юэхэн, ну посмотри же на меня, — продолжал Цзян Линь с мягкостью в голосе.

У Син Чжаоюэ дернулся уголок рта, а по спине пробежал холодок. Этот негодяй опять за свое! Несмотря на мысли, он все же повернул голову и встретился с ним взглядом, но тут же отвел глаза. Что за напасть! Впрочем, он снова присмотрелся к Цзян Линю. Тот был на голову выше, с густыми бровями и яркими, полными страсти глазами. Смуглая кожа, слегка распахнутый ворот, обнажающий крепкие мышцы, растрепанные волосы, несколько прядей которых упали на щеки — типичный гуляка! У него ведь было несколько комплектов одежды, как минимум

три, так почему он напялил на себя это несуразное исподнее, которое даже толком ничего не прикрывает?

Ночь выдалась томной. В полуразрушенной хижине горел маленький костерок — не для тепла, а чтобы отпугнуть насекомых. Снаружи всюду стрекотали сверчки, а внутри двое мужчин улеглись спать, не раздеваясь. Кровать была крошечной, двоим на ней было тесно, и Син Чжаоюэ старался забиться как можно дальше в угол, чтобы не касаться Цзян Линя. Заметив это, тот усмехнулся и тихо пробормотал:

— Ну прямо как ребенок.

Син Чжаоюэ застыл. Что за чушь?

Он проснулся от жары. Ему снилось, что он заперт в Восточном дворце, охваченном огнем, и Император Ци отчаянно выкрикивает его имя, а он не может пошевелиться, словно что-то крепко сковало его, не давая сделать ни шага.

Проснувшись в холодном поту, он обнаружил, что по-прежнему не может пошевелиться — он лежал в объятиях Цзян Линя, чья горячая грудь не давала ему вздохнуть.

— Цзян Линь! — Син Чжаоюэ едва сдерживал гнев. — Обязательно спать в такой позе?

Цзян Линь приоткрыл один глаз и приложил ладонь ко лбу Син Чжаоюэ.

— Ты замерз ночью и теперь горишь.

Син Чжаоюэ лишь фыркнул. Еще чего, верить ему! Он попытался вырваться, но тело налилось слабостью. Даже в разгар лета на юге он вдруг ощутил озноб и невольно задрожал.

Цзян Линь сел, не выпуская его из объятий, и терпеливо произнес:

— Не дергайся, а то жар только усилится.

Похоже, он действительно простудился. Син Чжаоюэ смирился, но эти вольности Цзян Линя были невыносимы. Обниматься с ним, чувствуя себя беспомощной девицей — это было выше его сил.

Цзян Линь понимал, что Син Чжаоюэ чувствует себя неловко, но ему было все равно. Он приподнял подбородок Син Чжаоюэ:

— Не привык, что я тебя обнимаю? Ничего, скоро привыкнешь.

— Проваливай! — прошипел Син Чжаоюэ, стиснув зубы. Как он мог забыть, что этот мерзавец еще позавчера целовал его против воли?

— Провалюсь — и что ты будешь делать? — рассмеялся Цзян Линь. От этой легкомысленной ухмылки Син Чжаоюэ хотелось его придушить.

— Я никуда не провалюсь, а если и буду катиться, то только вместе с тобой, — бесстыдно добавил Цзян Линь.

Он встал и распахнул скрипучую дверь:

— Погода сегодня что надо. Юэхэн, давай прогуляемся, полюбуемся южными красотами!

Син Чжаоюэ с досадой спустил ноги с кровати и обнаружил, что его обуви и носков и след простыл. Вот негодяй!

— Эй, где моя обувь?

— М? Что? Я буду твоей обувью.

— ...

Син Чжаоюэ почувствовал, что от этих тошнотворных признаний его сейчас стошнит. Тьфу, какие еще признания!

Цзян Линь подошел, подхватил его на руки и широко шагнул за порог.

— Ты... ты просто неисправим.

Последние дни Син Чжаоюэ казалось, что он окончательно лишился рассудка, сталкиваясь с людьми, которые не признавали никаких правил. Нет, даже не так — с людьми, которые сами были сплошным хаосом.

— Верно, я безнадежно в тебя влюбился, — ответил Цзян Линь, одарив того, кого держал на руках, улыбкой.

Син Чжаоюэ напрягся, но ничего не мог поделать. Сапог нет, одежда — одно название, видимо, все грехи прошлой жизни настигли его именно сейчас. Оставалось лишь повторять про себя: Человек — нож, а я — рыба на разделочной доске, но месть — блюдо, которое подают холодным.

Цзян Линь нес его без видимых усилий, ступая по горным тропам так уверенно, будто шел по ровной дороге, и время от времени пытался завести разговор, хотя Син Чжаоюэ не горел желанием отвечать.

Группа наемников словно испарилась — погоня прекратилась. Возможно, Цзян Линь сумел уйти достаточно далеко. Син Чжаоюэ постепенно расслабился в его объятиях: в конце концов, раз уж он все равно оказался в таком положении, почему бы не позволить себя нести?

<http://bllate.org/book/18639/1794925>